

ВОСПОМИНАНИЯ О Н. В. ЕРМОЛОВОЙ

Л. Р. Павлинская

ВСПОМИНАЯ НАДЕЖДУ ЕРМОЛОВУ

Надежда Всеволодовна Ермолова проработала в МАЭ почти 35 лет. Из них более 25 лет мы дружили. Поэтому столь внезапный и абсолютно неожиданный уход Надежды из жизни явился для меня, пожалуй, самым сильным ударом за последние 10 лет. И чем больше проходит времени с момента ее смерти, тем сильнее ощущается эта потеря. В жизни образовалась некая пустота, и с каждым годом она становится шире, больше, объемнее. Нас объединяло очень многое — одинаковое восприятие жизни (в широком значении этого слова) и, главное, одинаковое понимание добра и зла. Такие отношения между людьми возникают не так уж часто. Надежда ушла, но жизнь продолжается, происходят различные события в государстве, Академии наук, нашем институте, продолжаются этнографические исследования, выходят в свет новые статьи и монографии, а человека, с которым можно было бы все это обсудить на одном языке, нет.

Однако здесь говорить о чувствах не столь важно. Гораздо уместнее оценить научные исследования Надежды Ермоловой, которые она оставила. В течение всех лет своей работы в институте она занималась широким кругом проблем, связанных с этно- и культурогенезом эвенков. Этот народ стал ее судьбой. Надежда часто говорила, что наиболее комфортно она чувствует себя в поле, находясь среди эвенков. Эвенки, их история, культура, об-

раз жизни, духовный мир волновали ее не только как исследователя, но и как человека.

Интерес к культуре таежных охотников-оленоводов Сибири возник у Надежды Ермоловой еще в университете (рис. 1). Поступив в аспирантуру ЛЧ Института этнографии, она выбирает тему диссертации «Приамурско-сахалинские эвенки (к вопросу о формировании и культурно-исторических связях)». Уже в диссертационной работе четко прослеживается тот методологический принцип исследования, на котором будут основываться все ее последующие работы, — это прежде всего углубленное исследование источников и научной литературы, а главное — широкое видение самой культуры. Избранная тема оказалась достаточно сложной, ибо эвенки этого региона находились в этнокультурном взаимодействии со многими народами: якутами, негидальцами, нанайцами, нивхами, орочами. Рассмотреть весь спектр этих взаимоотношений — задача трудновыполнимая, и, тем не менее, Надежде Всеволодовне удается на основе сравнительного анали-

Рис. 1. Студенты III курса кафедры этнографии ЛГУ Надежда Ермолова и Владимир Дьяченко в палеоэтнографической экспедиции Якутского государственного университета. Центральная Якутия, Чурапчинский р-н, 1977 г.

за основных категорий материальной культуры различных групп эвенков выявить наиболее яркие свидетельства их этнокультурных контактов с соседствующими этносами. Это становится возможным благодаря доскональному изучению всей имеющейся по данному региону литературы, материалов центральных и местных архивов, музейных коллекций и собственных полевых материалов, собранных в ходе экспедиций в Хабаровский край, Амурскую и Сахалинскую области. Неудивительно, что диссертационная работа Ермоловой была рекомендована к печати.

В течение нескольких последующих лет Надежда Всеволодовна продолжает исследование амурских эвенков, сосредоточив внимание на проблеме сохранения культуры и этнического самосознания эвенков, с одной стороны, в условиях этнокультурных контактов с иными народами, с другой — с учетом особенностей их хозяйственно-культурного типа, основанного на постоянном кочевании малыми группами (как правило, в зимний период всего одной или двумя семьями), что получило отражение в нескольких публикациях. Интерес к этому феномену заставляет исследователя обратиться к эвенкам Центральной Сибири, региона их наиболее, если можно так выразиться, компактного проживания и соседства с такими большими этносами, как якуты и буряты.

Начиная исследование нового региона, Надежда Всеволодовна обращается к одним из самых сложных проблем эвенкийской этнологии — проблемам времени и территории сложения прототунгусского этноса, доместикации оленя и заселения восточносибирской тайги. Все эти вопросы были предметом изучения многих исследователей, среди которых можно выделить Г. М. Василевич, А. П. Окладникова, М. Г. Левина, В. А. Туголукова. Обращение к тунгусской проблеме после таких ученых требовало большой смелости. Однако Надежда Всеволодовна считала необходимым погрузиться в изучение истоков эвенкийской культуры, так как именно там она видела основы формирования этнического сознания, стереотипов поведения и особенностей восприятия пространства, позволившие тунгусам/эвенкам сохранять культуру, самосознание, образ жизни на протяжении многих веков и не быть ассимилированными соседними крупными этносами.

В статье «Возвращаясь к тунгусской проблеме» Надежда Всеволодовна не только дала серьезный анализ уже существующих гипотез по данной проблеме, но и, опираясь на данные археологии, антропологии, лингвистики и этнографии, внесла существенный вклад в понимание ранней этнической истории предков тунгусов. Она выдвигает вполне обоснованную гипотезу о двух ареалах формирования тунгусского этноса, точнее, двух его ветвей — западной и восточной. До исследования Ермоловой тунгусоведы были сосредоточены на выявлении единой территории расселения этнической общности тунгусов, называя или Предбайкалье (Василевич, Окладников), или Забайкалье (Левин, Туголуков). Надежда Всеволодовна убедительно показала более выраженные тюркские элементы в языке и культуре западных эвенков и монгольские — у восточных. Это дало ей основание полагать, что первичное разделение алтайской языковой общности произошло по линии тюрко-тунгусской (западной) и монголо-тунгусской (восточной) общностей, соответственно связанных с предбайкальским и забайкальским регионами. Более того, очень важным моментом этой гипотезы является положение о хронологически разных этапах распада этих общностей, то есть не совпадающих по времени с формированием западных и восточных пратунгусов. Надежда Всеволодовна высказала предположение, что окончательное разделение тюрко-монгольской общности, скорее всего, датируется гуннской эпохой и связано с «возмущением» этнического поля, вызванным движением этих племен. В то время как распад монголо-тунгусской общности произошел, по всей видимости, в древнетюркское время, в период образования I Тюркского каганата, что также было связано с сильным этническим напряжением в регионе. Оба положения находят подтверждение в лингвистике и некоторых существенных фактах культуры, приводимых автором в своей статье.

Решив, по крайней мере для себя, проблему ранней этнической истории тунгусов, Н. В. Ермолова обращается к исследованию этно- и культурогенеза собственно эвенков, ставя перед собой все ту же задачу — выявление причин необычайной устой-

чивости этнических основ культуры, стереотипов поведения и этнического самосознания в условиях ХКТ охотников-оленовдов тайги. В своей статье «Эвенки Центральной Сибири: социальная организация и этническая структура», которая по объему соответствует небольшой монографии, Ермолова вновь раскрывается как вдумчивый и неординарный исследователь. Всестороннее обозрение этой статьи достаточно сложно представить в небольшой публикации, она заслуживает большой и обстоятельной рецензии. Поэтому я остановлюсь только на главных ее положениях. Надежде Всеволодовне удалось раскрыть достаточно сложную социальную организацию эвенков, что стало возможно благодаря предпринятому сравнительному анализу с социальными основами общества кочевников-скотоводов Великой Степи, достаточно хорошо освещенными в научной литературе. Такой анализ был предпринят впервые и дал удивительные результаты. В итоге была решена проблема эвенкийских «рода» и «племени», а точнее — отсутствия этих единиц в традиционной социальной структуре эвенков. На основе анализа колоссального фактологического материала, отражающего разные аспекты социальных отношений в эвенкийской среде в XVII–XIX вв., автору удалось определить ее структуру. Основу составляли большая патриархальная и малая семьи. Первая, как правило, существовала в летний период, вторая — в зимний, что было связано с особенностями охоты и содержания оленей. Несколько родственных семей образовывали генеалогическую группу, экзогамия внутри которой сохранялась только в течение 4–9 поколений (так называемая «поколенная экзогамия»), тем не менее сама группа не являясь ни хозяйственным, ни территориальным объединением. Высшей таксономической единицей являлось объединение нескольких генеалогических групп, которое происходило эпизодически, как правило, при военной необходимости. Такое объединение не имело ничего общего с племенем, как полагали многие исследователи, так как всегда было временным и для него не была характерна эндогамия. Такая подвижная и открытая структура общества была выработана в процессе адаптации к суровым природным условиям горной восточносибирской тайги, позволя-

Рис. 2. Надежда Ермолова верхом на олене. Эвенкийский автономный округ, Илимпейский р-н. Экспедиция 2003 г.

ющим вести только охотничье-оленоводческое хозяйство и требующим постоянных перекочевок (рис. 2).

Главная особенность этой социальной организации состояла в том, что в ней шли постоянные процессы интеграции и сегментации основных структурных подразделений, создавая особую ткань жизни эвенкийского этноса. Именно подвижность социальной структуры общества, которая носила не хаотический, а строго определенный характер, являлась основой процессов этнической регенерации, возникающих в той или иной части эвенкийского историко-культурного пространства и обеспечивающих как жизнестойкость этноса в целом, так и постепенное формирование внутренней этнической структуры.

Особое место в исследованиях Н. В. Ермоловой занимают работы, посвященные анализу особого этнопсихологического типа, присущего эвенкам. Наиболее подробно эта тема раскрыта в ее статье «Природное и историко-культурное пространство эвенкийского этноса». Подробно анализируя хозяйственно-культур-

ной жизни эвенков, автор делает важный вывод о внутренней самодостаточности этноса, сформировавшейся на основе глубоко гармоничного восприятия окружающего мира как следствия постоянного движения, непрерывной смены ландшафтного окружения, создающего высокую степень эмоциональной наполненности человека.

Тема, связанная с особенностями эмоционально-психологического восприятия мира эвенками, достаточно полно раскрыта в статьях Надежды Ермоловой, посвященных духовной культуре эвенков, таких как «Река в трех мирах эвенкийской Вселенной» и «Представление о душе, смерти и загробной жизни в традиционном мировоззрении эвенков». Именно эти представления наиболее полно раскрывают особенности мировосприятия эвенков и характерные черты их менталитета, обусловленные все тем же стремлением к движению, эмоциональному слиянию с этим движением, в котором воплощается весь мир. Столь глубокое проникновение исследователя в психологию этноса было обусловлено знанием его культуры изнутри, возникшим в результате многих экспедиций в различные районы проживания эвенков.

Abstract

This article is dedicated to the memory of N. V. Ermolova, a prominent researcher of Tungus peoples, who spend more than 30 years studying traditional culture of Siberian Evenkis. The article analyses Nadezhda Ermolova's scientific work and her contribution to Tungus studies in Russia.